СЭПИН В ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ РОССИИ

1.1. Традиционное понимание: что такое политика?

В английском языке есть слова politics - политика как сфера общественной активности, и есть policy - политика как политичность, линия поведения, направленная на достижение результата. В русском язык эти два значения объединены в одном слове. Политика - сфера деятельности и сама деятельность. Если со сферой деятельности все более-менее понятно (это сфера, где политические силы борются за власть и влияние), то, что же такое политика как вид деятельности?

Политика - это вид деятельности, сущностью которого является использование «чужих» ресурсов для достижения «своих» целей на общественном поприще.

Речь идет об использовании принципиально «чужих» ресурсов, которые перед началом какого-либо политического акта политику не принадлежат. Единственный его собственный изначальный ресурс - харизма и умение управлять интересами других людей. Соответственно, политик хорош настолько, насколько успешно он привлекает чужие финансовые, интеллектуальные, организационные и иные ресурсы, стремясь создать общественное благо, или занять место в общественной иерархии.

Но умению и желанию собирать «чужие» ресурсы можно отличить политика от общественного деятеля.

Общественный деятель использует собственные ресурсы, например, авторитет, деньги и т.д. Так поступают представители культуры, бизнесмены, реализующие какие-нибудь общественные инициативы.

Политик же, имея некую общественную цель, которая одновременно является и его личной целью, под нее аккумулирует, привлекает «чужие ресурсы и затем использует их по своему разумению.

К примеру, если сравнивать с этой точки зрения писателя А.И. Солженицына и московского мэра Ю.М. Лужкова, то Солженицын скорее общественный деятель. Для достижения своих целей он использует в основном собственный ресурс - писательскую славу, имя Нобелевского лауреата, свой духовный и моральный авторитет, свои интеллектуальные наработки в той или иной сфере. Лужков на этом фоне выглядит скорее политическим деятелем - он за счет личного натиска или личного маневра аккумулирует организационные, финансовые, электоральные и прочие ресурсы других людей и использует эти ресурсы для достижений некоей своей цели. Его целью может быть распространение своей власти либо установление общественного блага - при всем кажущемся различии этих устремлений они могут являть собой разные стороны одной и той же политической сущности.

Разумеется, разграничение политической и общественной деятельности достаточно условно: на практике общественно-политический деятель может быть

больше политиком или «общественником», полагаясь в той или иной мере на свой ресурс и (или) привлекая «чужие» ресурсы.

Каким способом политик может привлечь «чужие» ресурсы для достижения «своих» целей? Ведь ему надо, по сути, отнять у людей их собственность и присвоить себе право распоряжаться ею по своему усмотрению.

Наверное, предшественники нынешних политиков делали это с помощью насилия или угрозы насилия - более сильный член сообщества естественным образом получат право на управление более слабыми. Правда, возникала и обратная зависимость - более сильный нуждался в каком-то количестве более слабых, чтобы иметь возможность отбирать у них их ресурсы, т.е. возникала и определенная ответственность сильного по отношению к слабым. Надо было, например, защищать их от других сильных.

Но, очевидно, чем сложнее общество, тем больше в нем всяких условностей, ограничивающих насилие. Когда объем условностей и общественных предписаний достаточно велик, то сильную позицию в обществе могут занимать не обязательно сильные физически люди. Вот тут и появляются политики, выдающиеся среди соплеменников люди, которые подряжаются угадывать и отстаивать интересы остальных членов общества. По сути, политики управляют ресурсами других людей. Обещая удовлетворить интересы сограждан, политик втихомолку получает в собственное распоряжение то, чем сограждане готовы пожертвовать ради удовлетворения своих интересов - будь то деньги, организационная поддержка, участие в акциях или поддержка на выборах.

Политику приходится объяснять своей аудитории, какие ее интересы он готов отстаивать, как он это будет делать и что для этого надо. То есть, прежде всего, политику приходится общаться (обращаться). Современные политики, вопервых, адресуют свои обращения носителям ресурса (избирателям, соратникам, финансистам, союзникам); во-вторых, конкурируют с другими политиками. Соответственно поэтому политическая коммуникация, во-первых, в своих отдельных фрагментах всегда целенаправленна (даже если это не осознают ее участники); во-вторых, сопровождается большим количеством шумов и помех.

Целенаправленность и высокий шумовой фон (конкурентность) политической коммуникации предопределяют характер взаимоотношений ее участников. В этой чехарде заигрываний и противостояний политик не может обратиться к каждому носителю ресурса персонально. Политик формирует свой образ, который должен привлечь к нему носителей ресурса (избирателей, финансистов и пр.). Он обращается к своим адресатам посредством своего образа. Поэтому политик по определению должен быть встроен в такую систему общественных связей, которая предполагает не только управление интересом избирателей, но и корректировку образа самого политика. Можно даже так сказать: политик управляет интересами избирателей за счет того, что создает свой образ. Если образ политика соответствует ожиданиям носителей ресурса, то такой политик может успешно управлять их интересами, привлекать их ресурсы.

Для того, чтобы использование политиком «чужих» ресурсов выглядело более пристойно, придуманы выборы. Избиратели думают, что голосуют за приглянувшегося им политика, но на самом деле они вручают ему право распоряжаться какой-то их собственностью от их имени, но в его целях.

Выборы - это процедура сертификации политиков. Если без выборов квалификация политика по использованию «чужих» ресурсов выражена как-то абстрактно, то выборы удостоверяют классность политика, присваивают ему тот или иной политический разряд, в соответствии с которым он уже не только неформально, но и вполне легитимно - вплоть до управления бюджетом и судьбами людей - распоряжается «чужими» ресурсами. Вот почему выборы играют такую огромную роль в политике - они придают политике как эксплуатации «чужих» ресурсов законный и благопристойный вид. Результат выборов признается общественным вердиктом, и на некоторое время победивший политик может не обращать внимания на претензии конкурентов, может полновластно распоряжаться «чужими» ресурсами в пределах своей вотчиныкомпетенции.

Однако выборы являются и формой обратной ответственности политика - он вынужден размышлять над интересами людей, угадывать их и хотя бы имитировать заботу о людях. Иначе в следующий раз на управление ресурсами изберут другого. Из-за этого выборы очень полезны для населения - именно в предвыборный период решаются многие социальные проблемы. Более того, для того чтобы заполучить электоральный ресурс - поддержку избирателей, - политик вынужден тратить на избирателей другие ресурсы, специально накопленные к выборам (финансовые, организационные, имиджевые). Не будь выборов, политик не тратился бы так на людей, у него не было бы мотивов, исключая нравственные, а нравственные мотивы в политике уж очень ненадежны. Поэтому с этической точки зрения выборы в политике играют ту роль, которую должна была бы играть нравственность.

Итак, политик копит финансовые, организационные, имиджевые ресурсы; на выборах этот свой запас он старается выгодно обменять на электоральный ресурс - поддержку избирателей. Собрав достаточно электорального ресурса, политик получает новые возможности для присваивания «чужих» финансовых, организационных и иных ресурсов. Такой вот круговорот «чужих» ресурсов на пути политика к «своей» цели.

1.2. Кто потерял Россию?

«Россия — это непрерывно развертывающаяся драма».

«С падением Берлинской стены осенью 1989 г. начался один из важнейших экономических переходов всех времен. Это был второй - дерзкий экономический и социальный эксперимент прошлого столетия.

Первым был переход России к коммунизму, произошедший за семь десятилетий до того.

Второй переход России, равно как и стран Восточной и Юго-Восточной Ев-

ропы, далек от завершения, но многое ясно уже сейчас: Россия получила совсем не то, что обещали ей сторонники рыночной экономики или на что она надеялась. Для большинства населения бывшего Советского Союза экономическая жизнь при капитализме оказалась даже хуже, чем предостерегали их прежние коммунистические лидеры. Перспективы на будущее мрачны. «... создана система кланово-мафиозного капитализма».

«... политика Вашингтонского консенсуса заканчивалась провалами; неправильно проведенная приватизация не привела ни к повышению эффективности, ни к росту, но вместо этого способствовала обдиранию активов и упадку.

.. .проблемы усложнялись также неправильно выбранными темпом и последовательностью преобразований: либерализация рынка капитала и приватизация облегчали изъятие денег из страны».

«Сегодня стало очевидным лицемерие развитых стран, которые под предлогом помощи вынуждают развивающиеся страны открыть рынки для своих товаров, при этом оставляя собственные рынки закрытыми.

Большинству же становится все яснее, что такая политика обогащает богатых и еще глубже опускает бедных в пучину нищеты, вызывая растущее озлобление».

«Россия быстро трансформировалась из промышленного гиганта - первой в мире страны, спутник которой вышел на околоземную орбиту, — в экспортера природных ресурсов, в особенности нефти и газа, которые составляют сегодня половину ее экспорта».

Упущенная возможность. «Радикальная стратегия реформ не срабатывала: ВВП России падал из года в год.

Опустошение, выраженное в потерях ВВП, было большим, чем Россия испытала во Второй мировой войне. В период 1940 -1946 гг. промышленная продукция в Советском Союзе сократилась на 24 процента. За период 1990-1999 гг. промышленное производство России упало почти на 60 процентов - даже больше, чем ВВП (54 процента).

Россия смогла привлечь некоторое количество иностранных инвестиций в природные ресурсы; но Африка уже давно продемонстрировала, что если вы оцениваете свои природные ресурсы достаточно низко, то привлечь в них иностранные инвестиции нетрудно»².

Если принять во внимание сокращение военных расходов государства, то жизненный уровень должен был возрасти даже больше, чем ВВП.

Подойдем к вопросу с другой стороны. Допустим, что каким-то образом сохранился дореформенный уровень расходов и что примерно треть военных расходов могла быть перераспределена на производство новых видов потребительских товаров. При этом не произошло реструктуризации, повышающей эффективность производства, и не удалось воспользоваться новыми возможностями в области торговли...в этих условиях потребление — жизненный уровень — должно было бы возрасти на 4 процента. Это немного, но несопоставимо лучше, чем то резкое падение жизненного уровня,

которое фактически произошло» «...те, кто живет в России, должны нести за случившееся значительную часть ответственности, частично вина ложится и на западных советников, особенно из США и МВФ ».

История реформ

Первые ошибки были совершены сразу же после начала перехода к «рынку». Реформаторы одномоментно в 1992 г. освободили большинство цен, что ввергло страну в инфляцию, уничтожившую сбережения населения.

В то время как большинство цен было полностью свободным, некоторые, наиболее важные цены удерживались на низком уровне -это цены на природные ресурсы. В сочетании с продекларированной «рыночной экономикой» это было прямым приглашением: если вы можете, например, купить нефть и перепродать ее на Запад, вы можете сделать миллионы или даже миллиарды долларов. Так люди и делали. Вместо того чтобы зарабатывать на создании новых предприятий, они обогащались с помощью новых форм старого предпринимательства, эксплуатируя ошибки политики правительства.

Либерализация и стабилизация были двумя столпами стратегии радикальных реформ. **Быстрая приватизация** была третьим.

Высокая первоначальная инфляция уничтожила сбережения большинства россиян.

Приватизация была задумана как первый шаг процесса реструктуризации экономики. Не только собственники должны были поменяться, но и менеджмент, а производство должно было быть переориентировано с производства того, что прикажут, на производство того, что хочет потребитель. Эта реструктуризация, разумеется, требовала новых инвестиций и во многих случаях сокращения рабочих мест.. .сокращение, конечно, помогает поднять общую эффективность экономики, но только в том случае, если работники перемещаются с низкопроизводительных рабочих мест на более высокую производительность. Программа стабилизации - либерализации - приватизации, разумеется, не была программой роста. Она была нацелена на создание предварительных условий для роста. Вместо этого она создала предварительные условия для деградации. Не только не делались инвестиции, но и снашивался капитал -сбережения испарились в результате инфляции, выручка от приватизации или иностранные кредиты были растрачены. Приватизация, сопровождаемая открытием рынков капитала, вела не к созданию богатства, а к обдиранию активов. И это было вполне логичным. Олигарх, который оказался в состоянии, используя свое политическое влияние, присвоить за гроши активы стоимостью в миллиарды, естественно, стремился вывести деньги из страны. Держать деньги в России означало инвестировать их в страну, находящуюся в глубокой депрессии, и рисковать не только малой отдачей, но и конфискацией активов последующими правительствами, которые неизбежно, и совершенно справедливо, поднимут вопрос «незаконности» процесса приватизации. Они не дожидались бегства в последний момент от грозящей опасности, и неудивительно, что деньги покинули страну.

«МВФ продолжало обещать, что оживление уже не за горами. В 1997 г. у него были основания для такого оптимизма. Если производство упало до 41 процен-

та от уровня 1990 г., куда же ему дальше падать?

... легко осуществлять приватизацию, если не слишком задумываться над тем, как ее осуществлять, фактически раздавая высокоценную государственную собственность своим друзьям. На деле такой способ приватизации был крайне выгоден правительству - вне зависимости от того, как поступали взятки: прямо наличными или в виде пожертвований на предвыборные кампании (или в том и другом виде)¹.

«Несмотря на трудности сведения в госбюджете концов с концами, правительство под давлением Соединенных Штатов, Всемирного банка и МВФ, требовавших скорейшей приватизации, отдавало принадлежавшие государству активы за бесценок...

Правительство создало могущественный класс олигархов и бизнесменов, плативших лишь ничтожную часть той суммы налогов, которую им полагалось платить и действительно пришлось бы платить в любой другой стране.

...Россия находилась в странном положении. Она была обильна природными ресурсами, но государство было бедным. Правительство фактически раздало ценнейшее государственное имущество и в то же время было не в состоянии выплачивать пенсии престарелым или давать социальные пособия бедным. Правительство занимало миллиарды у МВФ, увеличивая бремя задолженности страны, в то время как олигархи, которые получили от государства такие щедрые подарки, выводили из страны много миллиардные капиталы».

Социальные институты очень важны. При старой системе в Советском Союзе не было безработицы, а следовательно, и страхования от безработицы.

Минимальный уровень социальной ответственности предполагает, что работодатели избегают увольнять работников, если для этого нет особых причин. Поэтому не может быть «реструктуризации» без социальной страховочной сетки.

О демократии

«... часть российских рыночных реформаторов (так же, как и их западные вдохновители и советники) не очень верили в демократию и не слишком были заинтересованы в ней, опасаясь, что если доверить выбор российскому народу, то он может сделать «неправильный» выбор экономической модели (иными словами, выбрать не их модель). И в странах Восточной Европы, и в некоторых странах бывшего Советского Союза, когда народ увидел, что блага этих рыночных реформ в стране за страной почему-то не материализуются, он путем демократических выборов отверг рыночный экстремизм реформаторов и поставил у власти социал-демократические партии... Неудивительно, что многие рыночные реформаторы обнаружили примечательную склонность вести дела старыми способами: в России президент Ельцин, обладавший неизмеримо большими полномочиями, чем его коллеги в любой западной демократии, решился идти в обход демократически избранной Думы (парламента) и осуществить реформы посредством указов.

«...проповедники новой экономической религии, пытались использовать «мягкий» вариант ленинских методов, чтобы вести корабли путем «демократического» перехода к рыночной экономике».

«Радикал-реформаторы в России пытались одновременно произвести революцию экономического строя и революцию общественной структуры.

Фактически радикал-реформаторы применили стратегию большевиков, хотя изучали ее по разным книгам. Большевики пытались навязать коммунизм противящейся стране в период после 1917 г. Они полагали, что элитные кадры должны «направить» массы по единственно правильному пути к построению социализма, не обращая внимания на то, согласны ли с этим массы и считают ли они его правильным. В «новой» посткоммунистической революции в России элита во главе с международными бюрократами точно так же попыталась силой навязать быстрые перемены противящемуся населению».

О приватизации

«...тот, кто сумел захватить контроль над корпорацией, имел стимул к тому, чтобы красть активы.. А Зачем тратить силы на создание богатства, если его гораздо легче украсть? И другие аспекты процесса приватизации также повышали как стимулы, так и возможности для корпоративного воровства.

В результате приватизации в России предприятия общенационального значения обычно передавались их бывшим менеджерам. Они сосредоточились на том, что могли выжать из своей фирмы в ближайшие несколько лет, и слишком уж часто максимизация этого достигалась путем обдирания активов.

В передовых промышленных странах есть конкуренция между общинами, каждая из которых старается сделать себя более привлекательной для инвесторов. Местные власти уделяют мало внимания созданию привлекательного «климата для инвестиций» и концентрируются вместо этого на том, что они могут извлечь из существующих предприятий, т.е. повторяют основные черты поведения владельцев и менеджеров приватизированных предприятий. А если приватизированные предприятия ведут дела одновременно на нескольких территориях под разной юрисдикцией, то каждая местная власть стремится скорее содрать, что можно, пока другие не заберут свои куски активов.

Провалы быстрой приватизации были предсказуемы - и были предсказаны.

Приватизация, как она была навязана России (и слишком многим другим странами из бывшего советского блока), не только не способствовала экономическому успеху страны, но и подорвала доверие к правительству, к демократии и к реформам. В результате раздачи богатейших природных ресурсов России до того как была учреждена система эффективного сбора налогов (природной ренты), люди из узкого круга друзей и приближенных Ельцина сделались миллиардерами, а страна оказалась не в состоянии регулярно платить своим пенсионерам по 15 дол. в месяц.

Наиболее вопиющим примером плохой приватизации является программа займов под залог акций. В 1995 г. правительство, вместо того чтобы занять необходимые ему средства в Центральном банке Российской Федерации, обратилось к частным банкам. Многие из этих банков принадлежали друзьям членов правительства, которое выдавало им лицензии на право занятия банковским делом. В среде с очень слабым регулированием банков эти лицензии были фактически разрешением на эмиссию денег, чтобы давать их взаймы самим себе или

своим друзьям, или государству. По условиям займов государство давало в залог акции своих предприятий. А потом вдруг государство оказалось неплатежеспособным, и частные банки стали собственниками этих предприятий путем операции, которая может рассматриваться как фиктивная продажа (хотя правительство осуществило ее в виде замаскированных «аукционов»); в итоге несколько олигархов мгновенно стали миллиардерами. Эта приватизация была политически незаконной. И, как уже отмечалось выше, тот факт, что они не имели законных прав собственности, заставлял олигархов еще более поспешно выводить свои фонды за пределы страны, чтобы успеть до того, как придет к власти новое правительство, которое может попытаться оспорить приватизацию или подорвать их позиции.

Те, кто достиг процветания за счет щедрости государства или, точнее, за счет щедрости Ельцина, приложили огромные усилия к его переизбранию.

Залоговые аукционы стали заключительной стадией обогащения олигархов, небольшой группы людей, (часть из которых происходили, по слухам, из мафиозных организаций), которые установили контроль не только над экономической, но и над политической жизнью страны. Как-то раз они заявили, что контролируют 50 процентов богатства страны!»

Правила игры

«.. .народившиеся в системе эрзац-капитализма владельцы гигантских капиталов уже добиваются изменения «правил игры», чтобы то, что они делали ${\bf c}$ другими, не смогли другие сделать ${\bf c}$ ними»².

О защитниках олигархов

«Защитники олигархов сравнивают их с американскими разбойничьими баронами, гарриманами и рокфеллерами. Однако есть большая разница между деятельностью этих фигур XIX в. и олигархов в России. Она хотя бы в том, что американские «бароны» прокладывали железные дороги и создавали горнодобывающие вотчины на Диком Западе, а российские олигархи просто эксплуатируют Россию, получившую название Дикого Востока. Американские разбойничьи бароны, стремясь сделать себе состояние, создавали национальное богатство. Они оставили страну гораздо более богатой, даже если принять во внимание, какой большой кусок они себе отхватили от общественного пирога, который значительно увеличился. Российские же олигархи крали активы, обдирали их, и страна делалась все более бедной. Предприятия ставились на грань банкротства, в то время как банковские счета олигархов росли».

«Экономисты часто называют тот «клей», который удерживает общество от распада, «социальным капиталом». Беспорядочное насилие и мафиозными капитализм часто приводятся как примеры, отражающие эрозию социального капитала; в некоторых странах, образовавшихся на месте бывшего Советского Союза, которые я посетил, на каждом шагу можно видеть мелкие, но прямые проявления этой эрозии социального капитала. Речь идет не просто о недостаточном поведении отдельных менеджеров; происходит почти анархическое воровство всех у всех. Например, ландшафт Казахстана пестрит теплицами, у ко-

торых нет стекол. Разумеется, в таком виде они не пригодны».

«Способы, которыми переход осуществлялся в России, вели к эрозии социального капитала. Богатыми становились не путем упорного труда или инвестирования, а путем использования политических связей для захвата по дешевке государственной собственности в ходе процесса приватизации. Социальный контракт, который связывал граждан друг с другом и с правительством, был нарушен в тот момент, когда пенсионеры увидели, что правительство отдает ценнейшее государственное имущество и в то же время уверяет, что у него нет денег для выплаты пенсий».

Провал спасательной операции

Через три недели после получения кредита Россия в одностороннем порядке объявила приостановку платежей и девальвацию рубля. Рубль обрушился. К январю 1999 г. рубль потерял в реальном выражении более чем 45 процентов по сравнению с уровнем июля 1998, Заявление от 17 августа спровоцировало глобальный финансовый кризис.

«...мы полагали, что предоставленные деньги помогут поддержать курс рубля примерно на три месяца; на самом деле он продержался лишь три недели. Мы считали, что олигархам потребуете* несколько дней или даже недель, чтобы выкачать эти деньги из страны; на самом деле для этого потребовалось всего несколько часов.

Российское правительство «допустило» даже некоторую девальвацию рубля. Как мы уже видели, это означало, что олигархам потребуется меньше рублей для покупки своих долларов.

Улыбающийся Виктор Геращенко, председатель правления Центрального банка России, объяснил президенту Всемирного банка и мне, что здесь просто «сработали рыночные силы».

Когда МВФ столкнулся с фактами - миллиарды долларов, которые он представил в кредит России, появились на счетах кипрских и швейцарских банков всего лишь через пару-тройку дней после того, как они были предоставлены, он объявил, что эти деньги - не его доллары. Этот аргумент демонстрирует либо полное непонимание экономики, либо уровень лицемерия, который вполне может соперничать с неискренностью Геращенко...

МВФ предоставил России кредит в долларах - эти средства позволили России в свою очередь наделить олигархов долларами для того, чтобы они вывезли их из страны.

На самом деле от этой спасательной операции выиграли, разумеется, не только олигархи. Банкиры Уолл-стрита и других западных инвестиционных банков, те, кто были среди наиболее яростно протаскивавших спасательный пакет, знали, что курс рубля долго не продержится: они воспользовались короткой передышкой для того, чтобы спасти свое, спасти как можно больше и бежать из страны с тем, что им удалось захватить с собой.

Предоставив России кредит на заранее обреченное дело, МВФ вверг страну в еще большую задолженность, фактически ничего на этом не потеряв. Издержки этой ошибки легли не на руководство МВФ, которое предоставило кредит,

или на Америку, под давлением которой это было сделано, или на западных банкиров и российских олигархов, которые получили все выгоды от этого займа, а **на российского налогоплательщика.**

О Китае

«Больший контраст, переход к рынку в России переход к рынку в Китае, программа которого была разработана собственными силами. Если в 1990 г. внутренний валовой продукт Китая (ВВП) составлял 60 процентов от российского, то к концу XX в. Соотношение стало обратным. В то время как в России произошел беспрецедентный рост бедности, Китай пережил ее беспрецедентное сокращение).

«Пример Китая показывает, что были стратегические альтернативы. Социально-политические и исторические условия различаются, никто не гарантирует, что удачный опыт какой-либо страны может быть повторен в России или окажется там реализуемым с политической точки зрения.

России нужно было решить более тонкую задачу переориентации своей индустриализованной, но тяжелобольной экономики.

Разница между процветанием Китая и провалом России в реформировании сельского хозяйства является, если уж на то пошло, гораздо контрастнее, чем успехи этих двух стран в реформировании промышленности.

Все экономические удачи объединяет одно - преобразования были «доморощенными», разработанными изнутри теми, кто чувствовал нужды и потребности своих стран. Шаблонных подходов не существовало в Китае. Экономические преобразования носили прагматический характер - голая идеология или модели из учебников политику не определяли.

По-моему твердому убеждению, успехи стран, не следовавших рекомендациям МВФ, не случайны. Есть четкая связь между проводимой политикой и ее последствиями: между успехами в Китае и тем, что там делали, между провалом в России и тем, как там проводили реформы. Результаты в Китае были прямо противоположными прогнозам МВФ...»

«Контроль за движением капиталов является еще одним примером. Европейские страны не разрешали свободный переток капиталов вплоть до 70-х годов.

...страны с едва функционирующей банковской системой рисковали, открывая свои рынки.

Но если оставить в стороне рассуждения о честности и справедливости: приток **«горячих денег»** в страну и уход из нее, что так часто следует за либерализацией рынка капиталов, оставляет за собой опустошение. Результатом для множества людей явилась бедность, а для многих стран - социальный и политический хаос. МВФ допускал ошибки во всех областях, в которые был вовлечен: в развитии, управлении кризисами и в странах с переходными экономиками».

ОСША

«Международный валютный фонд является политическим институтом. При

операции по выкупу долгов в 1998 г. он руководствовался задачей сохранения у власти Бориса Ельцина, хотя, исходя из всех принципов кредитованиям, эта операция была практически бессмысленной. Молчаливое согласие с приватизацией через коррупционные залоговые аукционы, если не прямая ее поддержка, частично основывалось на том факте, что коррупция способствовала благой цели - переизбранию Ельцина. Политика МВФ в этой сфере была неразрывно связана с политическими установками министерства финансов администрации Клинтона.

СМИ

«В большинстве демократических и развитых стран подобную концентрацию экономической власти средний класс, вынужденный платить монопольные цены, долго бы не вытерпел. Американцы уже длительное время озабочены проблемой концентрации власти в СМИ. В Америке подобная концентрация в масштабах, сопоставимых с Россией, была бы неприемлема. Тем не менее высшие официальные лица США и МВФ обращали мало внимания на опасность, которую представляет концентрация власти в СМИ; они больше интересовались скоростью их воспринимали с удовлетворением и даже с некоторой гордостью то, что приватизации, считая признаком быстроты всего процесса приватизации. И они сконцентрированные в частных руках СМИ использовались, притом очень эффективно, для сохранения у власти их друзей - Бориса Ельцина и так называемых реформаторов.

И только теперь мы мучаемся вопросами: «Кто потерял Россию и почему?» Ответы, как мы начинаем понимать, неутешительны. И они воспринимали с удовлетворением и даже с некоторой гордостью то, что сконцентрированные в частных руках СМИ использовались, притом очень эффективно, для сохранения у власти их друзей - Бориса Ельцина и так называемых реформаторов».

О КПСС и КГБ

В России не было никого, кроме бывших коммунистов, с кем можно устанавливать отношения. Сам Б. Ельцин был бывшим коммунистом - кандидатом в члены Политбюро. В России коммунисты фактически никогда не были отстранены от власти. Почти все российские реформаторы - бывшие коммунисты. Одно время казалось, что линия разлома проходит между теми, кто был тесно связан с КГБ и Госпланом - центрами политического и экономического контроля при старом режиме, — и всеми остальными. «Хорошими парнями» были хозяйственники вроде Виктора Черномырдина, главы Газпрома, сменившего Гайдара на посту премьер-министра. Он казался прагматиком, с которым можно иметь дело. Некоторые из этих «прагматиков» готовы были украсть столько государственного имущества для себя и своих друзей, сколько им удавалось утащить;

В результате промахов Ельцина и его окружения изначальный идеализм сменился откровенным цинизмом.

Администрация Буша приняла В.В. Путина тепло, как человека, с которым можно сотрудничать, причем почти не придавалось значение тому, что он выходец из КГБ. Потребовалось длительное время, чтобы мы, наконец, перестали

судить о людях по тому, были ли они коммунистами при старом режиме, или даже по тому, что делали в то время. Многие из тех, кого мы считали союзниками, были скорее заинтересованы в самомообогащении, чем в создании рыночной экономики.

Со временем, когда проблемы стратегии реформ и правительства Ельцина становились яснее, реакция людей как в МВФ, так и в Министерстве финансов оказалась весьма схожей с позицией официальных лиц в правительстве США в более ранний период, когда провал вьетнамской войны становился все очевиднее: игнорировать факты, отрицать реальность, подавлять дискуссию, тратить все больше денег впустую. Утверждалось, что в России выход из трудностей не за горами, вот-вот грядет рост; очередной кредит даст, наконец, России импульс; она доказала, что может выполнять условия кредитных соглашений, и т.д.

По мере того, как умножались свидетельства провала и становилось все более ясно, что Вашингтон ставит не на ту лошадь, администрация США пыталась еще более жестко заглушить критику и общественную дискуссию.

Для многих схема залоговых аукционов (в ходе осуществления которой олигархи получили контроль над значительной частью богатейших природных ресурсов страны), стала той критической проблемой, по которой Соединенным Штатам следовало бы сказать свое слово. В России не без оснований считали, что Соединенные Штаты взяли себе в союзники коррупцию. Приглашение заместителем министра финансов США Лоуренсом Саммерсом к себе домой Анатолия Чубайса, который руководил приватизацией, организовывал мошеннические залоговые аукционы и стал (что неудивительно) одним из наименее популярных официальных лиц во всей России, рассматривалось как публичная демонстрация поддержки коррупции».

Уроки

«России были преподаны уроки провалов рыночной экономики, и мы являлись учителями. Это было очень странное обучение. С одной стороны, россиянам выдали крупные дозы свободного рынка, заимствованные из учебников по экономике. С другой стороны, они убедились на практике, что их учителя сильно отклоняются от проповедуемых идеалов. Россиянам твердили, что либерализация торговли есть необходимое условие успешной рыночной экономики, но когда они попытались экспортировать алюминий, уран и другие товары в Соединенные Штаты, двери перед ними оказались закрытыми. Стало очевидным, что Америка достигла успехов без либерализации торговли ...

Россиянам твердили, что конкуренция жизненно необходима, однако США стали главным действующим лицом при создании глобального алюминиевого картеля и передали монопольное право на импорт обогащенного урана американскому монопольному производителю урана. Россиян убеждали, что нужно провести приватизацию быстро и честно, но единственная попытка приватизации в США затянулась на годы, и в конце концов ее целесообразность оказалась под вопросом»¹.

«В конечном счете Россия и ее лидеры должны нести ответственность и за свою недавнюю историю, и за судьбу страны. В значительной мере сами рус-

ские, по крайней мере, узкая группа элиты, загнали свою страну в такое трудное положение.

Наше молчаливое одобрение программы залоговых аукционов, подавляло критику. МВФ требовал скорейшей приватизации, а залоговые аукционы были ее быстрейшим способом. Коррупция также никого не беспокоила. Прямая поддержка, политика и миллиарды денег МВФ укрепили и оставили у власти проводящее коррумпированную политику правительство.

Мы сделали ставку на устраивавших нас лидеров и проталкивали определенную стратегию экономических преобразовании. Некоторые из этих лидеров оказались некомпетентными, другие -коррумпированными, третьи соединяли оба эти качества.

Дорога в будущее

«Ответственные за ошибки недавнего прошлого имели слабое представление о том, куда должна идти Россия. Они повторяют одни и те же заклинания о необходимости продолжать стабилизацию, приватизацию и либерализацию. Проблемы, возникшие в прошлом, теперь вынудили их признать потребность в сильных институтах, но они не смогут сказать, что это означает и как этого достигнуть.

На многочисленных конференциях на тему российских реформ я был поражен отсутствием стратегии, как в борьбе с бедностью, так и в решении проблемы повышения темпов экономического роста. Единственная предложенная «стратегия роста» состояла в том, чтобы вернуть на родину сбежавший из страны капитал. Те, кто это предлагал, игнорировали то, что на практике такая рекомендация могла привести к закреплению господства олигархов, клептократии и кланового капитализма, который олигархи, собственно, и представляют. Для олигархов нет иного смысла возвращать назад капиталы - и на Западе можно получать неплохие прибыли. Более того, МВФ и министерство финансов США никогда не заботил факт поддержки системы с сомнительной политической легитимностью, где путь к богатству лежал через грабеж и близость с Президентом Борисом Ельциным, который сам уже потерял доверие и легитимность. Самое прискорбное, что Россия должна смириться с тем, что никогда не получит возмещения за этот грабеж национального достояния. Задача для России - остановить разграбление ...»'

«Колоссальное неравенство и вопиющая бедность служат благодатной почвой для появления разнообразных движений - от националистических до популистских, часть из которых могут быть угрозой не только экономическому будущему России, но и всему миру. Устранить быстро возникшее неравенство.

Успех выполнения программы зависит от честности позиции правительства, его заинтересованности в общем благе. А в этом Запад мало чем может помочь, хотя в администрации Клинтона и в МВФ испытывали гордость: они «выбрали», кого надо поддержать, продавили свою программу реформ... Фактически же оказалось, что самонадеянные профаны, с ограниченным экономическим кругозором и мало знающие Россию, пытались изменить ход истории. Провал был закономерен.

Но что превыше всего: мы не должны навредить. **Кредиты МВФ навредили России** - эти займы и стоявшие за ними политические решения не только оставили страну с более тяжким бременем задолженности и обнищания, поддерживали валютный курс, удушавший экономику. **Они предоставлялись с намерением сохранить у власти группы вместе со всей их очевидной коррумпированностью.**

Вывод, к которому я пришел в ходе дискуссий по займу 1998 г., актуален до сих пор: если Россия, богатая нефтью и другими природными ресурсами, сумеет привести свои дела в порядок, ей не потребуются займы, а если не сумеет, от них будет мало пользы, России нужны не деньги. Есть нечто другое... Но это потребует программы совсем иного рода».